

Туннель Юрей

2

18+

Рен Судзуки

Рен Судзуки

Туннель Юрей. Том 2

<https://litres.ru/73987746>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тоннель уснул, но не умер.

Три месяца тишины. Три месяца нормальной жизни. Харуто и Мию почти забыли о холоде, о тенях, о женщине в красном.

Но в час Быка приходит новый враг. Курои — первый хранитель, человек, который пятьдесят лет назад слился с тоннелем. Он голоден. Он зол. И он хочет забрать не только тоннель — он хочет забрать Мию.

На помощь приходит Кэндзи — бывший хранитель, который уже однажды сбежал. Но сможет ли он искупить вину? И какой ценой?

«У тебя сорок дней. Выбери: ты или она.»

Содержание

8	4
9	18
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Рен Судзуки

Туннель Юрей. Том 2

8

Прошло ровно девяносто два дня с тех пор, как Харуто в последний раз видел серое облако.

Девяносто два дня нормальной жизни. Утренний рис на завтрак. Школьная форма, отглаженная матерью. Экзамены, которые он сдал лучше, чем ожидал — кажется, бессонные ночи в тоннеле научили его концентрироваться даже в полном хаосе. Новые друзья, которые не знают, что он хранитель границы между мирами. И Мию. Мию, которая теперь всегда рядом.

Они не говорили о тоннеле с того рассвета, когда Харуто вышел наружу и увидел, как красная полоса на его шее побледнела. Они не говорили о тенях, о голосах, о Хине, которая наконец ушла. Они просто жили.

Иногда Харуто просыпался ночью и прислушивался к себе. Туннель внутри него молчал. Не затихал, не дремал — именно молчал, как выключенный телевизор, как телефон в режиме полёта. Харуто привык к этой тишине. Она стала его новым нормальным состоянием.

Но сегодня ночью что-то изменилось

Харуто стоит в тоннеле.

Он узнаёт это место сразу — по запаху бетона и ржавчины, по сырому холоду, который поднимается откуда-то снизу. Но тоннель изменился. Он больше не прямой, как в прошлый раз. Теперь от главного коридора отходят ответвления — тёмные проходы, уходящие вглубь земли, лестницы, ведущие вниз, и ещё какие-то двери, которых раньше не было.

— Это просто сон, — говорит он вслух.

Голос возвращается эхом, но эхо слишком долгое — оно не умирает, а множится, превращаясь в шёпот. Десятки голосов повторяют его слова: «Сон, сон, сон...»

Харуто идёт вперёд.

Стены покрыты новыми иероглифами. Не теми, что он видел в прошлый раз, когда имена исчезающих были выцарапаны ногтями. Эти выжжены. Глубокие, чёрные, с обугленными краями. И они не складываются в слова — они складываются в лица.

Харуто останавливается перед одной из стен и смотрит.

Лицо матери.

Лицо отца, которого он почти не помнит.

Лицо Мию.

Лицо его собственное, но старше на двадцать лет, с глубокими морщинами и пустыми глазами.

— Кто ты? — спрашивает Харуто.

Тишина.

Потом из самого глубокого ответвления, оттуда, где свет

не проникает даже в снах, доносится шаг. Один. Тяжёлый, как удар молота по рельсу.

Харуто знает этот звук. Он слышал его в первую ночь в тоннеле, когда женщина в красном шла за ними по шпалам.

Но теперь шаг другой. Не женский. Тяжёлый, грубый, мужской.

Из темноты выходит фигура.

Мужчина. Высокий, худой, с длинными руками, которые висят как плети. На нём старая железнодорожная форма — такая же, как у Хины на фотографии, но рваная, грязная, в каких-то тёмных пятнах. Лица не видно — оно скрыто под козырьком фуражки, надвинутой глубоко на глаза.

Но Харуто видит его глаза.

Чёрные.

Совсем чёрные — без белков, без радужки, без зрачков. Две дыры в лице, которые смотрят не на Харуто, а сквозь него.

— Ты тот, кто усыпил меня, — говорит мужчина.

Голос у него — как скрип несмазанных рельс. Сухой, царапающий.

— Я не знаю тебя, — отвечает Харуто.

— Зато я знаю тебя. Харуто. Семнадцать лет. Хранитель девяносто два дня. Красная метка на шее почти исчезла, но ты всё ещё мой. Вы все мои.

— Кто ты?

Мужчина делает шаг вперёд. От него пахнет не бетоном и

не плесенью — пахнет старостью, разложением, чем-то, что было живым очень давно и давно перестало им быть.

— Меня зовут Курои, — говорит он. — Я был здесь до тебя. До Кэндзи. До Хины. Я был первым. И я никогда не уходил.

Харуто хочет отступить, но ноги не слушаются. Он приклеен к бетонному полу, как муха к липкой ленте.

— Ты думал, что победил, — продолжает Курои. — Ты накормил тоннель историей Хины, и он уснул. Но тоннель не может спать вечно. А я — тем более. Я ждал девяносто два дня. Теперь моя очередь.

Он протягивает руку — длинные бледные пальцы, с чёрными ногтями, загибающимися внутрь, как когти.

— Я приду за тобой, Харуто. Не в тоннеле — ты больше не заходишь. Я приду в твою жизнь. В твои сны. К твоим друзьям. К твоей девушке. И ты не сможешь меня остановить, потому что ты не знаешь, кто я, и не знаешь, чего я хочу.

— Чего ты хочешь?

— Я хочу, чтобы тоннель проснулся. По-настоящему. Не как в тот раз, когда ты торговался с Хиной. Я хочу, чтобы он вышел наружу и забрал всех. Каждого. А ты поможешь мне, Харуто. Ты не захочешь. Но поможешь.

— Ни за что.

Курои смеётся. Звук похож на треск рвущейся ткани.

— Уже помогаешь. Проснись.

Харуто просыпается с криком.

Мию сидит на краю его кровати, держит его за руку, и смотрит на него испуганными глазами. За окном — темнота. Часы на тумбочке показывают 3:14.

— Ты кричал, — говорит Мию. — Я прибежала, как услышала. Мать твоя не проснулась, но я... я была в гостиной. Я не могла уснуть.

Харуто садится. Футболка мокрая от пота, волосы слиплись на лбу. Он смотрит на свою руку. Красная полоса на шее — та, что почти исчезла за девяносто два дня — снова проявилась. Бледная, едва заметная, но она есть.

— Мне приснился сон, — говорит он. — Тоннель. Он изменился. И там был мужчина. Он сказал, что его зовут Курои. Что он был первым хранителем. Что он никогда не уходил.

Мию бледнеет.

— Курои?

— Ты знаешь это имя?

Она отпускает его руку и отворачивается. Её плечи напряжены — она борется с собой, решая, говорить или нет.

— Когда ты первый раз стал хранителем, я начала искать информацию. Форумы, старые газеты, блоги экстрасенсов. Большинство — чушь. Но один сайт... он был странным. Чёрный фон, белый текст. Всё на японском, но слова не складывались в предложения — только отдельные иероглифы. Я перевела их через несколько приложений. Там было имя. Курои. И дата.

— Какая дата?

— Пятьдесят лет назад. Год, когда в тоннеле впервые начали пропадать люди. До Хины. До Кэндзи. Всё началось с него.

Харуто смотрит на свои руки. Они дрожат.

— Он сказал, что придёт за мной. Не в тоннеле — в жизни. Что я не смогу его остановить.

— Он блефует.

— Откуда ты знаешь?

Мию молчит. Она не знает.

Она достаёт из кармана джинсов телефон и открывает записку — ту самую, с расшифровкой иероглифов. На экране — чёрный фон и белые символы, которые Харуто не может прочитать, но которые заставляют тоннель внутри него шевелиться впервые за девяносто два дня.

— Я нашла кое-что ещё, — говорит Мию. — Способ защититься. Но он... он опасный.

— Насколько опасный?

— Потребуется, чтобы кто-то снова вошёл в тоннель.

Харуто закрывает глаза. Перед внутренним взором — лицо Курои, чёрные дыры вместо глаз, улыбка без губ.

— Не сейчас, — говорит он. — Я не могу сейчас. Дай мне хотя бы ночь подумать.

Он ложится обратно на подушку. Мию остаётся сидеть на краю кровати, держа его за руку. Они молчат. Слушают, как за окном шумит ветер и где-то далеко лает собака — не тре-

можно, а тоскливо, как будто она тоже увидела сон, из которого нельзя проснуться.

За два часа до рассвета Харуто снова засыпает.

Мию не смыкает глаз.

Она смотрит на его лицо, на красную полосу, которая медленно темнеет на его шее, и считает минуты до рассвета.

Просыпается Харуто от запаха жареного риса. Мать уже на кухне — слышно, как она переговаривается с кем-то по телефону, смеётся, обсуждает что-то обыденное и скучное. Мию сидит за столом в гостиной, в его пижамной футболке (она осталась ночевать — в последние три месяца это случилось часто, и мать перестала удивляться), пьёт зелёный чай и листает ленту в телефоне.

— Доброе утро, — говорит она, не поднимая глаз.

— Доброе.

Он садится напротив. Смотрит на неё и видит, что она не спала. Под глазами тени, веки тяжёлые.

— Ты не ложились.

— Не могла. Боялась, что тебе снова приснится.

— Не приснилось. Я спал без снов.

— Это хорошо.

Она ставит чашку на стол и наконец поднимает глаза. В них — страх. Не панический, не детский — спокойный, глубокий, взрослый. Страх человека, который знает, что худшее ещё впереди, и готовится к нему.

— Нам нужно встретиться с Кэндзи, — говорит она. —

Он был хранителем после Курои. Он должен знать что-то.

— Он в Токио.

— Я уже написала ему. Он придет через два дня.

— Ты написала ему? Когда?

— Ночью. Когда ты спал.

Харуто смотрит на неё с удивлением и благодарностью.

Она всегда на шаг впереди. Она всегда думает о том, о чём он забывает. Она всегда держит удар.

— Что бы я без тебя делал, — говорит он.

— Погиб бы в первую неделю, — отвечает Мию без улыбки. — Поэтому давай не будем проверять.

Он кивает.

Они завтракают молча. Мать входит в гостиную, улыбается, глядя на Мию в его футболке, но ничего не говорит. Только подкладывает ей ещё риса.

— Сегодня в школу пойдёте? — спрашивает она.

— Пойдём, — отвечает Харуто.

Он врёт. Он не пойдёт. Он проведёт этот день в библиотеке, читая старые газеты о пропавших людях, ища хоть какую-то зацепку о человеке с чёрными глазами.

Но матери не нужно знать правду.

Матери вообще лучше не знать ничего.

Городская библиотека пахнет пылью и тишиной. Старушка за стойкой смотрит на Харуто и Мию с подозрением — они слишком молоды для читального зала, слишком бледны для солнечного дня, слишком странные для обычной пары.

Они проходят в дальний угол, к микрофильмам с газетами пятидесятилетней давности.

Мию крутит ручку аппарата, листая пожелтевшие страницы. Харуто смотрит через окуляр и читает заголовки, которые никто не перечитывал десятилетиями.

«Пропал рабочий железной дороги. Семья в отчаянии».

«Второе исчезновение за месяц. Полиция не находит следов».

«Тоннель закрыт для посещения. Говорят о проклятии».

В третьей статье — фотография. Чёрно-белая, зернистая, на ней — мужчина лет тридцати в железнодорожной форме. Подпись: «Сато Курои, пропал без вести 12 мая 1974 года».

Харуто всматривается в лицо. Высокий лоб, тонкие губы, глаза — на фотографии они обычные, человеческие, тёмные, но с белками и зрачками. Ничего необычного. Просто уставший мужчина, который однажды вошёл в тоннель и не вышел.

Но под фотографией — приписка от руки, сделанная красным карандашом. Не сотрудником библиотеки — кем-то, кто держал эту газету до них.

«Не верь тому, что видишь. Он никогда не был человеком».

— Мию, смотри.

Она подходит, смотрит через плечо.

— Это тот же почерк, что и на табличке у тоннеля, — говорит она. — «Не входить. Вход под землю без выхода».

Последний предупредил».

— Тот же человек?

— Или тот же дух.

Харуто отодвигается от микрофильма. Голова кружится — от напряжения, от пыли, от страха, который ползёт по позвоночнику холодной ящерицей.

— Кэндзи придет завтра, — говорит он. — Мы подождём его.

— А сегодня?

— Сегодня я хочу увидеть тоннель. Днём. Снаружи. Не входить — просто посмотреть.

— Я с тобой.

— Я знаю.

Тоннель днём выглядит почти нормально.

Бетонная арка, покрытая мхом, ржавые рельсы, уходящие в темноту, табличка «Не входить» (та самая, новая, которую они повесили с Мию три месяца назад). Ничего сверхъестественного. Ни серого облака, ни теней, ни голосов.

Но Харуто чувствует.

Тоннель внутри него молчит, но большой тоннель — тот, что перед ним — дышит. Не глубоко, не жадно, как тогда, когда Хина была внутри. А осторожно, принохиваясь. Как зверь, который проснулся, но ещё не открыл глаза.

— Он проснулся, — тихо говорит Харуто.

— Уверен?

— Он знает, что я здесь.

— Мы уходим.

— Да.

Они отходят от входа. Десять шагов. Двадцать. Тридцать. Харуто не оборачивается. Он знает, что если обернётся, то увидит в арке фигуру. Высокую, худую, в рваной железнородной форме. С чёрными дырами вместо глаз.

Он не оборачивается.

Мию оборачивается.

Она ничего не видит. Только тёмная арка и табличка «Не входить».

Но ей кажется, что на табличке что-то изменилось. Слово «Вход» стало чуть ярче. Или это просто игра света?

— Идём, — говорит Харуто, беря её за руку.

Она кивает.

Они идут к автобусной остановке, и всю дорогу Харуто чувствует спиной чей-то взгляд. Тяжёлый, холодный, голодный.

Он не оборачивается.

Но дома, в душе, он смывает с себя не пот и грязь — он пытается смыть чувство, что на его коже остались чьи-то пальцы. Длинные, бледные, с чёрными ногтями.

Не смывается.

Остаётся.

Кэндзи приезжает в полдень следующего дня. Он старше, чем был три месяца назад — или это просто кажется Харуто? Под глазами мешки, кожа серая, пальцы дрожат, когда он

достаёт из кармана пачку сигарет.

— Я знал, что он вернётся, — говорит Кэндзи, не здороваясь. — Просто надеялся, что это случится не при моей жизни.

Они сидят в парке на той же скамейке, у пруда с мутной водой. Карпы сдохли за зиму — их тела плавают на поверхности, медленно разлагаясь. Никто не удосужился их убрать.

— Курои был хранителем до тебя, — говорит Харуто. — Почему ты не рассказывал?

— Потому что я надеялся, что ты никогда с ним не встретишься. Он не такой, как Хина. Хина была проклятием. Он — чем-то другим. Он не проклят. Он сам выбрал стать чудовищем. За пятьдесят лет он забыл, кем был. Осталась только ненависть. К тем, кто живёт. К тем, кто выходит на солнце. К тем, кто любит.

— Как мне его остановить?

Кэндзи затягивается, выпускает дым в сторону пруда.

— Есть один способ. Но ты не захочешь его использовать.

— Какой?

— Тебе снова нужно войти в тоннель. Не на час, не на ночь. Навсегда. Стать его частью, как Курои. Но если ты это сделаешь, ты не сможешь вернуться. Ты станешь таким же, как он. Только, может быть, не злым. Если повезёт.

Мию, сидящая рядом, сжимает кулаки.

— Нет, — говорит она. — Есть другой способ.

— Какой же? — Кэндзи смотрит на неё усталыми глазами.

— Мы уже нашли. В старых записях. Ритуал, который запечатывает тоннель навсегда. Не усыпляет — уничтожает. Но для этого нужен тот, кто связан с тоннелем больше всех.

— Курои, — понимает Харуто.

— Да. Если мы заманим его внутрь и проведём ритуал, тоннель закроется вместе с ним.

— А кто проведёт ритуал?

Мию молчит.

Кэндзи тушит сигарету о подошву ботинка.

— Тот, кто войдёт туда последним, — говорит он. — Тот, кто никогда не выйдет.

Харуто смотрит на Мию.

— Нет, — говорит он.

— Да, — отвечает она. — Я войду.

— Я не позволю.

— Ты не можешь запретить.

Они смотрят друг на друга. В её глазах — та же решимость, что была в тот раз, когда она сказала: «Я лучше стану тенью, чем буду жить без тебя». Он знает этот взгляд. Он не сможет его переубедить.

— Мы найдём другой способ, — говорит он.

— Если найдём — хорошо. Если нет — я готова.

Кэндзи встаёт со скамейки.

— У вас двадцать четыре часа, — говорит он. — После этого тоннель проснётся окончательно. И тогда Курои выйдет наружу. Не ждите его — он не будет с вами разговари-

вать. Он просто начнёт забирать. Одного за другим. Как вынимает зубы.

Он уходит, не прощаясь.

Харуто и Мию остаются сидеть на скамейке, глядя на мёртвых карпов, которые медленно кружат в мутной воде, подгоняемые ветром.

— Двадцать четыре часа, — шепчет Мию.

— Много.

— Мало.

Она кладёт голову ему на плечо.

Они сидят так до самого вечера, пока солнце не садится за крыши домов и парк не погружается в темноту.

Тоннель ждёт.

Курои ждёт.

А у них есть всего один день, чтобы придумать, как победить чудовище, которое когда-то было человеком.

Или стать его заменой.

Двадцать четыре часа, которые дал им Кэндзи, тают как снег на ладони.

Харуто не спит вторую ночь подряд. Он сидит за столом в своей комнате, окружённый распечатками старых газет, форумных постов и чёрно-белых фотографий. Красная лампа на столе горит вполнакала — он боится яркого света, хотя не может объяснить почему. Ему кажется, что в ярком свете тени становятся слишком длинными. Слишком живыми.

Мию спит на его кровати, свернувшись калачиком. Она не хотела ложиться, но Харуто настоял. Ей нужны силы. Им обоим нужны силы, но он знает, что сам не сможет заснуть. Каждый раз, когда он закрывает глаза, он видит Курои. Чёрные дыры вместо глаз. Улыбка без губ. Длинные пальцы, тянущиеся к его горлу.

На столе — последняя находка. Микрофильм из библиотеки, который они с Мию не успели просмотреть до конца. На нём — интервью с женщиной, которая работала на железной дороге в семидесятых. Она видела Курои за день до его исчезновения.

«Он был странным в тот день. Обычно Сато-сан — тихий, спокойный, всегда здороваётся. А тут — прошёл мимо, как будто меня не существует. И глаза... глаза были чёрные. Не тёмные — чёрные. Как у рыбы на рынке. Мёртвые.

Я тогда подумала — заболел человек. А теперь думаю — заболело что-то другое. Что-то, что было внутри него. И ждало своего часа.»

Харуто перечитывает эти строки в десятый раз. «Что-то, что было внутри него». Как тоннель внутри него самого. Как холод под рёбрами, который то спит, то просыпается. Курои не был хранителем — он был первым, кто позволил тоннелю зайти слишком далеко. Первым, кто сказал «да» без условий.

— Я не скажу «да», — шепчет Харуто.

Тоннель внутри него молчит.

Но в этом молчании теперь слышится не тишина, а ожидание.

В девять утра звонит телефон.

Харуто смотрит на экран — незнакомый номер. Он не хочет отвечать, но палец нажимает зелёную кнопку сам.

— Алло?

— Харуто-кун? — голос женский, взволнованный, срывающийся на фальцет. — Это мама Аи. Вы друзья, да? Вы должны знать, где она!

Харуто холодеет.

— Что случилось?

— Она ушла вчера вечером. Сказала — проветрюсь. И не вернулась. Телефон не отвечает. Мы всю ночь искали, полицию вызвали, но они говорят — подождите двадцать четыре часа. Какие двадцать четыре часа?! Вы знаете, где она может быть?

Он знает.

Тоннель.

— Я найду её, — говорит Харуто и кладёт трубку.

Мию уже проснулась — голос матери Аи разбудил её. Она сидит на кровати, натянув одеяло до подбородка, и смотрит на Харуто огромными глазами.

— Ая вернулась в тоннель?

— Или её забрали.

— Курои?

— Кто же ещё.

Он одевается за минуту. Джинсы, толстовка, кроссовки. В рюкзак — фонарик, перочинный нож, красная лента Хины (она всегда с ним, хотя он не знает, зачем). Мию не задаёт вопросов — она уже в куртке и ботинках.

Они выбегают из дома в серое утро, которое не обещает ничего хорошего.

Дорога до тоннеля занимает двадцать минут бегом. Харуто не чувствует усталости — адреналин заглушает всё. Мию отстаёт на несколько шагов, но не жалуется. Она знает: если они не успеют, Ая исчезнет навсегда. Или хуже — станет одной из теней.

Пустырь перед тоннелем выглядит иначе, чем вчера.

Трава пожухла. Не с начала осени — просто пожухла за одну ночь, как будто кто-то выпил из неё всю жизнь. Деревья вокруг стоят голые, хотя календарь говорит о середине октября, и листва должна быть золотой и красной. В воздухе

пахнет не осенью — пахнет гарью. Не пожаром, нет. Гарью старой, застарелой, как будто здесь что-то горело очень давно и дым так и не выветрился.

Табличка «Не входить» висит криво. Один гвоздь выпал, и табличка болтается на втором, как петля на шее.

— Она здесь была, — говорит Мию, показывая на землю.

Следы. Женские кроссовки, маленький размер, глубокие отпечатки — Ая не шла, она бежала. Кто-то бежал за ней — или она бежала от кого-то.

— Входим, — говорит Харуто.

— Без плана?

— План — найти Аю и выйти.

— А если Курои внутри?

— Тогда придумаем план на месте.

Они входят в тоннель.

Темнота встречает их не как старый знакомый — как хищник, который затаился и ждёт, когда жертва подойдёт ближе. Свет фонарика вырывает из мрака куски бетонных стен, ржавые рельсы, лужи на полу. Воды здесь больше, чем в прошлый раз — она поднимается выше щиколотки, холодная, маслянистая, с неприятным запахом.

— Она не должна была быть здесь, — шепчет Мию. — Её память стёрлась. Она ничего не помнила о тоннеле.

— Может, память вернулась.

— Или Курои позвал её. Как когда-то позвал нас.

Они идут вперёд. Глубина тоннеля не меняется — или ме-

няется слишком медленно, чтобы это можно было заметить. Харуто считает шаги. Сто. Двести. Триста. Тоннель не заканчивается.

На четырѐхсотом шаге они находят Аю.

Она сидит на полу, прислонившись спиной к стене, с закрытыми глазами. На первый взгляд кажется, что она спит — дыхание ровное, лицо спокойное. Но когда Харуто подходит ближе, он видит: её веки подѐргиваются. Она не спит — она в трансе. Или в том месте, куда не доходят ни сны, ни явь.

— Ая, — зовѐт Мию, опускаясь рядом с ней на корточки. — Ая, это мы. Харуто и Мию. Мы пришли за тобой.

Ая не реагирует.

Мию трясѐт её за плечо. Ничего.

Харуто смотрит на лицо подруги. Оно спокойное, но это не естественное спокойствие — это спокойствие куклы, у которой вынули душу. И вдруг он замечает — на шее Аи, на том же месте, где у него была красная полоса, красуется чёрная метка. Не полоса — иероглиф. Такой же, как на стенах тоннеля.

— Что это? — спрашивает Мию.

— Знак, — отвечает голос из темноты.

Харуто резко оборачивается, выхватывая фонарик. Свет выхватывает фигуру в трёх метрах от них.

Курои.

Он стоит в той же рваной железнодорожной форме, с надриннутой на глаза фуражкой. Но сегодня он ближе, чем в

прошлый раз, и Харуто видит больше деталей. Кожа у него серая, как бетон, с глубокими трещинами — не морщинами, а именно трещинами, как будто его лицо — это старая стена, которую никто не ремонтировал. Руки висят вдоль тела, пальцы слегка шевелятся, перебирая невидимые нити.

Чёрных дыр вместо глаз Харуто не видит — он видит глаза. Настоящие глаза, но странные. Зрачки слишком большие, почти на всю радужку, и в них нет отражения света. Как будто внутри черепа — бездонная пустота, и глаза — просто окна в эту пустоту.

— Ты, — говорит Харуто, вставая между Курои и девушками. — Отпусти её.

— Она пришла сама, — голос Курои — как скрежет металла по бетону. — Я не звал её. Я просто... открыл дверь. Она вошла. Как когда-то вошли вы.

— Зачем ты это делаешь?

Курои наклоняет голову. Жест почти человеческий — любопытство, смешанное с насмешкой.

— Делаю что? Существовую? Ты спрашиваешь у своей тени, зачем она следует за тобой по пятам? Я не делаю. Я есть. Тоннель есть. Вы — есть. Всё просто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.